

АНДРЕЙ ДРАГУНОВ

Между вещью и пылью

СТИХОТВОРЕНИЯ

Андрей Драгунов

Между вещью и пылью

«Издательские решения»

Драгунов А.

Между вещью и пылью / А. Драгунов — «Издательские решения»,

Когда от вещи остаётся лишь пыль, а между ними — только лишь воспоминание — рождаются стихи и что-то более, что потом становится книгой, которая исчезает между вещью и пылью. Где-нибудь на тумбочке.

Содержание

«В магазине, где заблудиться, как среди плит...»	6
«Давай, не будем больше о любви —...»	7
«Перебираю старые газеты...»	8
«Жизнь, как в детстве, не делится между вчера и завтра —...»	9
«Последнее, что помню об отце —...»	10
«Никто не скажет: «Скушай яблоко, сынок...»	12
«Поутру не скажешь – каким будет вечер. Ночь...»	13
Последствия	14
«Дождём продлится день и даже ночь...»	16
«Когда закончится бумага на столе...»	17
«Растаяло стекло вместе с дождём...»	18
Мелочи жизни	19
«Засохший ещё до жизни сирени куст...»	20
Никуда. Никому	21
«Там, где-то в глубине пустой квартиры...»	22
Рецепт	23
«...так безумствует только лишь разве что сонная муха...»	24
«Прочти ещё раз то, что написал —...»	25
«Забудь про всё. Про свет, про телефон...»	26
«Новое утро – что обо мне ты хлопчешь?»	27
Из старых японских текстов	28
1	28
2	29
«Последние несколько лет, выходя из дома...»	30
«До сих пор, заходя в кафе, вспоминаю город...»	31
«Зачерпнёшь воды руками, чтобы напиться —...»	32
«Окаменевшее время в фонтане зимой —...»	33
Первая годовщина	34
«Всю ночь переживал за чью-то жизнь...»	35
«...ты замолкаешь, чтобы не сорваться...»	36
«Если зеркало мне не врёт...»	37
«Река опять замёрзла, как постель —...»	38
«Боюсь, как в детстве, грома тёмной ночью...»	39
«Меня забудут сразу и надолго...»	40
«Запретить бы почту, чтоб больше тревожных писем...»	41
«Птичка не вылетает, и старый фотограф спит...»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Между вещью и пылью
стихотворения
Андрей Драгунов

© Андрей Драгунов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«В магазине, где заблудиться, как среди плит...»

В магазине, где заблудиться, как среди плит
на старом погосте, перебираю покупки —
жизнь продолжается, только немного рябит
в правом глазу, и не идут на уступки
мне продавцы. Я, в общем, доволен. Рад,
что так недорого мне обошёлся праздник.
И выбирал не то что бы всё подряд —
необходимое, чтобы, загнавшись, всадник
перекусил и вышел. И чтоб ему
не по дороге было считать убытки,
что вперемешку, в сумме — за всю войну,
в месте, куда не пишут, не шлют открытки
ко дню рождения. Чтоб не забыл, где дом
или его подобие, если честно...
Как говорится, счастье семьи не в том,
что от меня к другому ушла невеста.
Только опять погода, цветёт апрель
на холодильнике ветками из подворотни.
Жизнь обозначилась просто — от сих до сель.
И пара слов продавщице — ещё на входе.

Апрель 14 2013 г.

«Давай, не будем больше о любви —...»

Давай, не будем больше о любви —
о чём-нибудь ещё, но не об этом.
Ты говорила про мечты свои,
но спать ложились карточным валетом
и говорили – только – до утра,
укрывшись плотно ватным одеялом,
но не о том, что завтра – про вчера,
про – что случилось с нами. Про вокзалы.
Про поезда. Про призрачный покой.
Про смятую постель. Про чай с вареньем.
О том, что невозможно жить со мной,
но так случилось, как в стихотвореньи.
Т. е. опять, уже – не по-людски,
т. е. как принято. На кухне зреет чайник.
Ворона каркает про выгоды свои,
но как-то жалобно. И всё не едет всадник
на крашеном коне. И ты молчишь.
Чай остывает. Наступает утро.
Закутанный от холода малыш
дрожит, как лист и как трава, как будто.

Апрель 16 2013 г.

«Перебираю старые газеты...»

Перебираю старые газеты,
как письма из уже ушедшей жизни,
но, не найдя привычные ответы
на все вопросы, делаюсь капризней,
как в детстве. В пальцах жёлтые страницы —
таких же жёлтых – шелестят обычно.
И с фотографий, как с витрины, лица —
во все глаза. От рюмочки «Столичной»
не наступает окончание света,
и жизнь опять идёт с пометкой «срочно»,
чтоб не запнуться в старенькой газете,
в пустяшных заголовках с многоточьем.

Апрель 19 2013 г.

«Жизнь, как в детстве, не делится между вчера и завтра —...»

Жизнь, как в детстве, не делится между вчера и завтра —
только сегодня, – и без обещания выжить,
т. е. какой-то надежды, и это правда, —
даже для тех, кто ошибался трижды
и трижды тонул, пытаясь как можно глубже
за ограждения, чтобы опять не сгинуть
на мелководьи, где водоросли к тому же
и по ногам – верёвкой, а волны толкают в спину,
как конвоир на высылке, сквозь деревья —
это когда уже ничего, как в детстве...
И продираясь куда-нибудь через время,
замечаешь только то, что в руках – в наследство.

Апрель 19 2013 г.

«Последнее, что помню об отце —...»

Последнее, что помню об отце —
незапертая дверь к нему на кухню.
Морщины толстые на заспанном лице
за плотной пеленой – он много курит,
не открывая форточку. Теперь
он умер, и черты его истёрлись,
но до конца незапертая дверь
ещё осталась... Жаль, чужие втёрлись
в раздел имущества, оставив не удел
единственного сына. Как наследник
я тоже право на жильё имел,
но так случилось, что теперь в передней
чужие тапочки. Как будто никогда
и не было отца в этой квартире.
Осталось, впрочем, это ерунда —
семь слоников, разбросанные в мире
моим старанием, как память о семье,
чтоб кто-нибудь, когда-то, где-то вспомнил
и помянул, возможно, как во сне —
фамилия и имя, как запомнил,
как довелось услышать в первый раз,
при первой встрече – так при первой ходке
запоминают узника рассказ
правдивый до слезы и не короткий
в перечислении. И кто-нибудь утрёт
ещё слезу, как тряпкой пыль со шкафа,
что сохраняет, если вдруг припрёт —
поверхность и следы, не сыпя на пол
отходы быта... Ёлочный паркет,
наверно, заменили подороже
какой-нибудь доской – но в мире нет
такого дерева, чтоб застолбить дорожки
в другую даль, где тихо и светло,
где тапочки всегда на лучшем месте,
где находя прокисшим молоко,
не думают о смерти – об отъезде
куда-то ненадолго отдохнуть,
чтоб после целый год смотреть альбомы
и вспоминать по карте длинный путь
и впечатления, с какими не знакомы
доселе были. Медленно портрет
перемещается в другое измеренье,
которому пока названья нет,
но что-то близкое, почти что – откровенье.
И дом стоит, не ведая печаль

о выбывших, как и о вновь прибывших...
Лишь тапочки отца немного жаль —
он их любил! И лучше не напишешь.

Апрель 20 2013 г.

«Никто не скажет: «Скушай яблоко, сынок...»

Никто не скажет: «Скушай яблоко, сынок,
тебе полезно. И творог на завтрак.
Оденься потеплей, чтоб не продрог», —
хотя уже тепло, но чтоб приятно
немного было – всё-таки апрель.
Хоть снег растаял, но ещё прохладно
бывает утром – прямо как теперь...
Никто не скажет, ну да это ладно —
привыкнуть можно к торжеству потерь,
как к незнакомым лицам при прощании
на кладбище, куда открыта дверь —
любому – несмотря на обещанье...
И прочие пророчества. Куда
теперь ещё отправиться скитальцу?
Но это тоже, впрочем, ерунда —
где выстелют соломку постояльцу,
чтоб спать не жёстко. Новая постель
согреет лучше свитера и шапки,
что одевал на выходе в апрель.
И, кажется, теперь совсем не жарко.

Апрель 20 2013 г.

«Поутру не скажешь – каким будет вечер. Ночь...»

Поутру не скажешь – каким будет вечер. Ночь.
Будет ли полдник и что подадут на ужин —
в предсказании, точно, не сможет никто помочь,
так как сомнения – никто никому не нужен,
чтобы сознаться в вымысле, где слова —
лишь дополнение к бреду – ничтожный повод
переиначить сказанное. Голова
лишь дополнение к мыслям, как к лампе провод.
И пересказ становится всё длинней,
чем ожидание дольше, а день – короче,
и не дожидаться вечера – побыстрей,
чтобы узнать – то ли о нём пророчат.
И быть уверенным точно, наверняка,
чем завершится день, и в какое время
перестают трезвонить по пустякам,
предлагая вечность в каком-то глухом селеньи.

Апрель 21 2013 г.

Последствия

В городе, где Каин убил Тебя,
днём и ночью вывешивают покрывало —
на обозрение, нитки его теребя,
в поисках правды. Даже турист с вокзала
в этом участвует, чтобы не стать врагом
или посмешищем, как раньше уже бывало
со вновь прибывшими, оставив уже на потом
осмотр местности и старых сырых подвалов.
Жизнь продолжается, чтоб не сойти на нет,
т. е. совсем на убыль в сухом остатке,
смяв за собой пространство, где весь секрет
в том лишь, чтоб выжить в этом сплошном упадке.
Прав был Иуда, что деньги отдал на сад,
но их хватило, видимо, не намного.
Знал бы Иуда две тысячи лет назад —
может, ушёл бы дальше своей дорогой...
Но полотно полощется на ветру
жарком, как пламень, раздутый на дне оврага,
как не сказать, из топки. И всю жару
переживает только одна бумага,
став совладелец правды в последний раз,
чтобы уже к чернилам не возвращаться,
как к незаконнорожденным, чей рассказ
может в любой газете вдруг оказаться.
И, несмотря на вымысел или бред —
перекроить историю, как попало
под руку автора. Но не найдя ответ,
скрыться от всех, как в детстве под одеялом,
чтобы уже ни взглядов, ни лишних слов,
ни посторонних окликов: «Эй, засранец!».
Знал бы Иуда, каким будет их улов —
точно сказал бы всем, что Ты иностранец
и путешествуешь с слугами и женой —
меньше хлопот и лишних вопросов тоже...
Но вышло, как есть. И валят теперь толпой —
чтоб не забыться – режут потом по коже
и имя Твоё, но больше всего – кресты,
чтобы не спутать место последней встречи,
не заблудиться в соснах, откуда Ты
вышел навстречу в тот, Свой последний вечер,
чтобы раздать последнее – и на покой —
без вариантов, иначе турист с вокзала
дни свои кончит, просто махнув рукой
на всю историю, которой и не бывало
в этих краях – не напишу – вообще...

Сколько не меряй площадь – больше не станет,
даже когда, застигнутый вор в плаще
просит пощады и тычется в мёртвый камень
окровавленным лбом... Со временем всё не так,
как представлялось – лишь полотно осталось
на том же месте. Ну, может, ещё сквозняк
по переулкам, но это – такая малость.

Апрель 21 2013 г.

«Дождём продлится день и даже ночь...»

Дождём продлится день и даже ночь.
Под утро просветлеет, если тучи
отправятся ещё куда-то – прочь,
не застолбив пейзаж – на всякий случай.
И, может быть, тогда среди ветвей,
подстриженных по случаю субботы,
появится какой-то воробей,
теперь оставив зимние заботы,
чтоб было где почистить клюв и хвост
и воробьихе рассказать о жизни,
что всё простит, хоть он былой прохвост,
расправив крылья, сделавшись капризной,
какой-то недотрогой – меньше слов,
тем более каких-то откровений...
Спасибо, что апрель не так суров
после дождя и прочих наводнений.

Апрель 21 2013 г.

«Когда закончится бумага на столе...»

Когда закончится бумага на столе,
я вырву лист календаря на стенке,
покрашенной, как лавка во дворе —
во все цвета и в разные оттенки
той самой радуги. И календарь не нов,
и числа повторяются... Суббота
на том же месте. Из других основ —
восход, закат и выход на работу
по понедельникам... с больною головой
и в поисках нескисшегося пива.
И пена требует, как водится, отстой,
а в остальном всё просто сиротливо,
как в выцветшем саду. В который раз
чернила требуют бумагу – в продолжение,
но замечает замутнённый глаз
уже от старости волнение и сомнение
в способности не извести листы
на розжиг для камина или печки,
чадящей сильно, но когда чисты
они ещё, как белые овечки —
пишу длинней, когда короткий век
уже остался! Время всё быстрее
куда-то пятится – возможно, человек
живёт недолго – только веселее,
пока живёт. И, кажется, что день
опять не выглядит, как некогда последний,
застрявший только где-то, «поколень»,
в растаявшей грязи, среди деревьев,
почти замёрзших, где среди ветвей
всё меньше птиц, листвы. И только ветер
ещё гуляет, чтобы поскорей
избавиться от долгожданной встречи
с каким-нибудь случайным, кто зайдёт
нечаянно, как на листы тетради —
чернила – кто в листах потом найдёт,
зачём всё было, т. е. – чего ради
всё это было. Только напиши,
перекрой последнюю страницу,
оставь сомненья, где-нибудь, в тиши,
и будь последним, кто потом приснится.

Апрель 21 2013 г.

«Растаяло стекло вместе с дождём...»

Растаяло стекло вместе с дождём,
а с ним и двор, переместившись в лужу.
Я думаю о чём-то о своём,
взяв книгу толстую и глупую, к тому же.
Мне даже весело глядеть на мокрый двор —
что в нём осталось после наводнения...
Какая-то ворона на забор
уселась нагло или без сомненья
в своём величии, покудова она
одна владелица безмолвного пейзажа.
Гляжу на это молча из окна,
что без стекла, но это лучше даже.

Апрель 21 2013 г.

Мелочи жизни

Человек, проходящий мимо, случайным взглядом
полоснул, как бритвой, и даже не оглянулся —
жизнь и так коротка, что самому себе досадно,
да ещё погода грозитя ежеминутно —
то дождём, то снегом, ворочая тучу в небе
с боку на бок, как маленького в кровати,
чтоб удобней было... Прохожие все исчезли,
как последняя фраза в школьной ещё тетрадке.

Апрель 22 2013 г.

«Засохший ещё до жизни сирени куст...»

Засохший ещё до жизни сирени куст,
в самом начале – теперь лишь сухие ветки
без продолжения, как мёртвые фразы с уст —
просто на воздух, не дальше заборной сетки,
т. е. совсем буквально – на два шага —
только шагни – и дальше без вариантов —
просто гляди, с опаской, во все глаза —
как там аукнется, чтоб не остаться без шансов
на продолжение – веткой сухой в земле.
Куст проживёт неделю, ну, две – не дольше —
дальше костёр и трепет уже в золе,
тронутой ветром – и с каждым разом тоньше
перегорелые ветки, чей краткий век
не был укрыт цветами – лишь только угли —
всё украшение, что на глазах у всех —
лишь огоньки, которые вмиг затухли.

Апрель 22 2013 г.

Никуда. Никому

Так случилось, что ты умер раньше, а я не успел —
мне не ту показали дорогу от дома до Бога.
И ещё продолжается жизнь, пусть не так, как хотел,
но немного короче уже под ногами дорога.
И ботинки уже греют камни нездешним теплом,
и следы только дальше от места, где всё начиналось,
но туда ли, где кончится?.. Там ли, где думал — потом
завершить все дела? Или с теми, с кем раньше мечталось.
Я хотел бы добраться к тебе из означенных мест,
рассказать о случившемся или хотя бы увидеть —
как тебе там, откуда доходит лишь призрачный жест,
даже в виде какой-нибудь бабочки, чтоб не обидеть
обитателей местных. Прими от меня, как поклон —
это стихотворение. Жаль, что не встретились раньше.
Может быть, повезёт — и тогда, пусть и с разных сторон —
мы с тобою увидимся, сжав от волнения пальцы...

Апрель 22 2013 г.

«Там, где-то в глубине пустой квартиры...»

Там, где-то в глубине пустой квартиры,
хранится ящик с письмами оттуда,
где жизнь кончается, и только карты мира
как доказательство или возможность чуда
какого-то, что, может быть, случится,
не обращая своего вниманья
на место пребывания очевидца,
на возраст и душевные страдания.
Всё в этих письмах – только не старайся
найти в них адрес местоположенья,
расположенья. Впрочем, попробай —
возможно, повезёт. Процент везенья
в таких делах – ничтожен, но попробуй —
по крайней мере, времяпровождение.
И что-нибудь тогда пойдёт по-новой
или, опять, уже без результата —
любого. Чтоб не вызвать подозренье —
спрячь их обратно – трудно, вероятно,
как счастье выиграть с потерянной подковой.

Апрель 22 2013 г.

Рецепт

В. Д.

Немного молока – и чай готов.
Попробуй, англичане уважают
такой напиток, что для дураков,
кто ничего не смыслит в вкусе чая.
Возьми щепотку, папа говорил,
засыпь в стакан, а лучше – даже в кружку,
поставь на печку, чтоб огонь варил,
ну, на плиту, в конце концов... Подружку
не приглашай на данное питьё —
оно для одного в пустой квартире,
чтоб стало тёплым старое жильё,
и хоть чуть-чуть теплее в этом мире.

Апрель 22 2013 г.

**«...так безумствует только
лишь разве что сонная муха...»**

...так безумствует только лишь разве что сонная муха,
очутившись в варенье – ещё не успела проснуться.
Крылья в розовой жижице и не доступны для слуха
их теперь трепыханья занудные – аж с Сотворенья
или несколько позже, когда зацвели абрикосы
или вишни, к примеру, тем самым раскрасив картинку
сотворения мира, когда ещё голы и босы
меж деревьев топтали кривыми ногами тропинку
и спешили обратно, чтоб только никто не заметил,
что случилось в саду, и в какую тарелку свалилась
несуразная муха... и кто за варенье ответит,
чтобы не было больше, как с яблоком всё получилось.

Апрель 23 2013 г.

«Прочти ещё раз то, что написал —...»

Прочти ещё раз то, что написал —
перечеркни последнюю страницу,
перепиши иль просто на вокзал
сбеги с корзинкой, что ночами снится,
как некое спасение души.
Ориентир в оставленном пейзаже.
Но лампу в кухне всё же не туши —
пускай горит – из сожаленья даже.

Апрель 23 2013 г.

«Забудь про всё. Про свет, про телефон...»

С. Л. с любовью

Забудь про всё. Про свет, про телефон
и про собаку даже, если нужно.
Оставь в покое звук и граммофон
от дедушки доставшийся, к тому же,
в наследство, т. е. Не бери вещей.
Отправься в путь, как раньше – на работу
на электричке, чтоб из новостей —
названия станций и слова кого-то,
сидящего напротив. Дотерпи —
когда всё кончится и выйдешь на конечной...
Ну, может быть, бумаги собери,
чтоб при тебе твоя осталась вечность.

Апрель 23 2013 г.

«Новое утро – что обо мне ты хлопчешь?»

Новое утро – что обо мне ты хлопчешь?
Я не из лучших жильцов в этом стёртом пейзаже —
облако над головой, залетев между прочим,
сыплет дождём, как бы в поисках старой пропажи,
что растворилась как будто и стала водой,
переливаясь по трубам и дальше по лужам —
чтоб ничего не случилось ни с кем. Ни со мной.
Даже когда одинок и немного простужен.
Утро, куда ты уходишь, когда рассветёт?
Что оставляешь меня одного разбираться
с незванным словом – что следом... И кто-то пойдёт,
чтобы уже, если выпадет, не расставаться
или хотя бы подольше его сохранить,
как в закромах – за одеждой и смятой постелью,
где-то под пылью, чтоб некого было винить
в происходящем, которому больше не верю,
как было раньше, когда в наступающем дне
что-то мерещилось из настоящего. Было,
что сохранить или спрятать, как камень на дне,
чтобы уже никогда, никуда не уплыло —
утро... Куда-то уходят любимых черты,
скомкав своё отражение в жёлтой витрине,
и возвращаются вечером, после шести,
чтобы уже до утра, как вовеки, отныне...
Т. е. не ночь! На мгновения сна и любви,
что никогда не закончится, видимо, тоже,
не разделяя в пространстве – чужие-свои,
лишь оставляя отметины – шрамы на коже,
что не шагренева... Утро, ещё на часок
остановись, пережди, потопчись на пороге,
если возможно, конечно. И в лампочке ток
переливается дольше, чем раньше, сегодня.

Апрель 24 2013 г.

Из старых японских текстов

1

...костёр из листьев, чтобы вскипятить
воды для чая. Облако с водою
откуда-то вернулось... Не изжить
тоски по прошлому, что связано с тобою
и с городом — у жизни на краю,
т. е. откуда даже не напишешь,
состарившись, о жизни. Жизнь свою
переиначив так, что не услышишь —
о чём она... Вода кипит в котле,
чай скоро станет украшением встречи,
и листья догорают, и в золе
их долгий путь полосками отмечен.

2

Облокотившись локтями на стол, пробую ждать
появление месяца или хотя бы звезды из тучи,
чтобы стало светлее в комнате, где кровать
утопает в ночных кошмарах... И мне не лучше
от таких видений, что прячутся по углам,
коротая вечность до светлого времени суток
за игрой в пятнашки. И, судя по всем часам —
ночь будет долгой и без освещения – мутной,
как молоко из кружки, что на столе...
Даже цветы не шепчутся этой ночью,
став украшением на старом уже стволе.
Я сижу за столом без света, путаю строчки.

Апрель 24 2013 г.

«Последние несколько лет, выходя из дома...»

Последние несколько лет, выходя из дома,
ключ оставляю, чтоб ничего не случилось,
в почтовом ящике. Чтоб, ежели что – знакомым
попасть в квартиру, в которую дверь закрылась.
Хотя, и это, конечно, увы, не выход
из положения – лучше бы просто кто-то
был всегда рядом – я про такое слышал,
и для кого-то это совсем не работа.
В последнее время – страшно звучит, как будто
бы на прощанье, и ничего не стоит
смазать картину, что пялится ежеминутно
через закрытую дверь, точно тьма Господня...

Апрель 25 2013 г.

«До сих пор, заходя в кафе, вспоминаю город...»

До сих пор, заходя в кафе, вспоминаю город,
где мы расстались, в таком же кафе, как это,
где я сейчас. Был мир пополам распорот,
как серпом по горлу. В пепельнице сигарета
догорает быстрее, чем можно себе представить
или помыслить даже... В сухом остатке
уже не мысли о той, что тогда оставил,
а только слова по факту последней схватки.
Я сижу на стуле – мне некуда больше ехать
или скакать галопом в бескрайнем поле —
один на один с докуренной сигаретой
помышляю только – возможно – о лучшей доле.

Апрель 25 2013 г.

«Зачерпнёшь воды руками, чтобы напиться —...»

Зачерпнёшь воды руками, чтобы напиться —
остаётся лишь ил в ладонях, песок на пальцах...
Стоило жить так долго, чтоб убедиться
в том, что куда ни странствуй — одни скитальцы?
Т. е. не те, кого приглашают в гости —
чаю попить, в карты сыграть партейку.
И если выйдет свидание — точно спросят:
«Как не остаться голодным на три копейки?»
Т. е. буквально — как жить без икры на завтрак,
без мармелада к чаю, без свежих булок,
что приготовил повар, и если правда —
без привезённых вечером, дынь от турок.
Время, увы, не всё приправляет с тыла.
Правда куда проворней воды из крана,
что вытекает струйкой, но вечно — мимо,
и исчезает быстро, как тень с экрана.

Апрель 25 2013 г.

«Окаменевшее время в фонтане зимой —...»

Окаменевшее время в фонтане зимой —
что может быть лучше? Вода не успела оттаять
в последнюю оттепель, став навсегда неживой,
т. е. бессмертной, как некогда слово, как память,
что потеряли значение, став не у дел —
то ли погода такая, а то ли везенье.
Голубь замёрзшую воду клюёт, как хотел,
не обращая внимание на потепление.

Апрель 25 2013 г.

Первая годовщина

Т. З.

Мы прожили с тобою целый год.
Он не из лучших, может быть, но всё же —
уже история, что тянется вперёд,
а не наоборот – и тем дороже.
У нас в квартире книги и цветы —
они повсюду – на полу, на полках,
среди других вещей, в которых ты
порой не сыщешь, как в стогу иголку,
знакомого предмета, как в воде
не видно камня, брошенного раньше.
Но это лучше, чем вообще – нигде.
Без продолжения и без того, что дальше...
Мы это время прожили с тобой
и, кажется, теперь, когда ты рядом —
осталось в прошлом то, что за волной
катилось к берегу, не требуя награду
и даже похвалу, считая всё.
Мы пережили странные сомнения
по поводу и без... теперь своё
определив в пейзаже положение.

Апрель 27 2013 г.

«Всю ночь переживал за чью-то жизнь...»

Всю ночь переживал за чью-то жизнь,
что мне приснилась. Бабочка на лампе
хлопочет за свою, куда-то ввысь
не собираясь, оставаясь как бы
в земных пределах, т. е. под замком
в моей квартире с лампочкой в обнимку,
что где-то там, под белым потолком
висит, напоминая паутинку
почти живую... Тонкой ниткой свет
терзает зрение вольфрамовым свеченьем —
и если есть на вымысел ответ,
то в этом, может быть, моё спасенье
от утром вдруг нахлынувшей тоски,
как некой шутки из ночных кошмаров —
не чтобы напугать – так, сжав виски,
заставить переждать в углу дивана —
и ночь, и боль, и свет под потолком,
и даже то, что бабочка хлопочет
у лампочки, оставив на потом
и страх, и боль, что были этой ночью.

Апрель 27 2013 г.

«...ТЫ ЗАМОЛКАЕШЬ, ЧТОБЫ НЕ СОРВАТЬСЯ...»

...ты замолкаешь, чтобы не сорваться
на слабый крик или на громкий шёпот,
в кафе, на станции, откуда не добраться
в такое время. На перроне топот
переезжающих в другое время года,
от этих мест подальше – или глубже.
Наличие билета – суть исхода
со станции – корабликом по луже,
ни утонуть в которой, ни уехать
куда-нибудь – кафе не отпускает
при расставании... Банальная помеха —
наличие любви – и каждый знает
из отъезжающих, что это неизменно
теперь уже, когда спустя полжизни —
единственная в жизни перемена —
прощание в кафе. И поезд дышит
почти что в спину, в рельсах застревая,
как в той же луже, что уже просохла.
И никого от края и до края.
И станция как будто бы оглохла.

Апрель 27 2013 г.

«Если зеркало мне не врёт...»

Если зеркало мне не врёт,
то со смертью не всё проходит.
Завершив неземной полёт,
крылья сушатся в огороде,
точно простыни на ветру
после жаркой любовной ночи.
Даже если я и умру —
жизнь не кончится между прочим,
свой воскресный свершив полёт,
как перо по листу бумаги,
в облаках, где гроза растёт,
заполняясь, как брагой фляги,
электричеством и дождём,
свежим ветром, слезой младенца,
перепуганного огнём —
никуда от огня не деться...
как не выжить в крошечной тьме.
Видно, всё-таки, прав Проперций:
ничего не кончается, нет,
там где слово застряло в сердце.

Апрель 28 2013 г.

«Река опять замёрзла, как постель —...»

Река опять замёрзла, как постель —
от одиночества. Стекольщик был не пьяный —
на совесть застеклил её. Теперь
она, как я в глухом углу дивана,
под матовым стеклом – в своём углу,
что, может быть, не лучше и не хуже
других таких же, но не по нутру
такое сочетание, к тому же,
замёрз пейзаж по берегам реки,
не сохранив былого украшения.
И облака, что были так близки
порой – не поспешают с возвращением
и где-то прячутся, чтоб тоже не уснуть
в каком-нибудь углу, за пыльной шторой,
тем самым завершив небесный путь —
земною жизнью, в закромах которой —
уже достаточно. И не перечерпать
ладонями застывшую водицу,
как не согреть остывшую кровать —
после любви, что продолжает сниться.

Апрель 29 2013 г.

«Боюсь, как в детстве, грома тёмной ночью...»

Боюсь, как в детстве, грома тёмной ночью.
Он появляется в соседнем переулке
и там стоит. И уходить не хочет,
как будто ждёт того, кто на прогулку,
возможно, выйдет, или на работу,
чтобы догнать и в спину три удара —
наверняка, не разбирая, что там
потом случиться с человеком старым
или не очень — будто бы случайно,
как по ошибке, обознавшись домом...
И в этом, видимо, ещё из детства тайна
и страх за близких. И едва знакомых.

Апрель 29 2013 г.

«Меня забудут сразу и надолго...»

Меня забудут сразу и надолго.
А если вспомнят, то совсем случайно
и, справившись с прокисшим чувством долга —
опять забудут, что вполне банально
и предсказуемо, как дождь в конце апреля.
Погода, если верить показаньям —
лишь дополнение к событиям недели,
и без того печальных – в ожиданиях.
Всех забывают, даже тех, кто рядом
с тобою жил, пытаясь не загнуться
от суеты – забвение в награду
и рис с изюмом на столовском блюде,
как дополнение к борщу и винегрету,
к холодной водке – для успокоенья.
Ещё горячая от повара котлета —
вполне сгодится для поминовенья,
как гуща для гадания и карта
для вымысла, который во спасенье...
Забудут всех. Меня – в начале марта
в другом году, в такой же день весенний.

Апрель 29 2013 г.

«Запретить бы почту, чтоб больше тревожных писем...»

Запретить бы почту, чтоб больше тревожных писем
не приходило. Достаточно телеграммы
по телефону, где в буквах и в сумме чисел —
всё объяснимо, хотя и довольно странно
в перечислении, но сохраняет память
всю информацию, что от других досталась.
Всё и отличие, что не возьмёшь руками,
не зачитаешь дольше, чем полагалось
в самом начале. Бумага — лишь только повод
снова напомнить, заполнить конверт словами,
как пару камушков бросить на память в воду,
не дожидаясь известий от них — кругами
или волной на берег. Бумага терпит
переживания, да и другую правду.
Лучше не знать — что там ещё в конверте —
по крайней мере, всё ещё живы как бы...

Апрель 29 2013 г.

«Птичка не вылетает, и старый фотограф спит...»

Птичка не вылетает, и старый фотограф спит.
В парке «Гидростроитель» совсем безлюдно.
Пара торговцев шарами. Во всю хрипит
старый динамик – с годами и это трудно.
Видимо, всё-таки время берёт своё,
и баба с веслом торчит не на лучшем месте,
а репродуктор хрипит, но ещё поёт,
т. е. пытается выжить, на самом деле.
Но, как ни старайся, – всему наступает срок,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.